

№264 Бедница

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Исповедуем ли мы свою веру?

«Кто постыдится Меня и Моих слов, в роде сем прелюбодейном и грешном, того и Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе...» (Мк.8,38).

Кто из Вас постарше, наверное, помнят 15 октября 1964 года – первый день нашей страны без Никиты Сергеевича Хрущева - 1-го секретаря ЦК КПСС, когда на прилавках магазинов появилось больше товаров, кои заранее придерживали, чтобы в этот день обрадовать граждан нашей страны вступлением в должность дорогого Леонида Ильича.

«Царствование» Никиты некоторыми воспринимается, как время оттепели. И действительно - многие политзаключенные возвращались в свои семьи из тюрем и лагерей. По ночам люди стали спокойнее спать – всё реже по ночам разезжали воронки. Расстрелов стало заметно меньше.

Но это перемирие между тиранами и собственным народом нисколько не коснулось духовенства и Церкви. «Религия – опиум для народа – её нужно уничтожить на корню». Храмы закрывались массово «по многочисленным просьбам трудящихся», так сказать. Епископ вынужден был каждый шаг согласовывать с госчиновником - уполномоченным по делам религий – какого священника перевести на другой приход, а которого запретить в служении.

Отслужил батюшка панихиду на кладбище – в запрет, проповедь слишком доходчивую сказал – в запрет. Сынишку своего завёл в алтарь – в запрет. А запрещение в служении в те времена – это зачастую было таким распутьем – либо в тюрьму, либо к отречению от священства. Хитро так было задумано. Уполномоченный по делам религий звонит правящему архиерею и диктует – священника Сергия Сидорова с завтрашнего дня определяйте в запрет. И епископ вынужден исполнять – в противном случае его самого за штат отправят.

А что значит, священник под запретом – он не имеет права совершать Богослужения. А раз так – он тунеядец – 209 статья уголовного кодекса и – в тюрьму. Да, ты, конечно, можешь устроиться на завод, но только после отречения от сана. Не отрекаешься - значит – за решётку, а из тюрем далеко не всегда возвращались – знаете, «несчастливые случаи» там бывают разные.

Гонения на Церковь при Хрущеве на самом деле были почище Сталинских. Некоторые священники не выдерживали - отрекались.

Протодьякон Иоанн Капранов, живший на территории Свято-Духовского собора, бедняга – Пасха, все обнимают друг друга, приветствуют - Христос Воскрес! А он вышел во двор сел на солнышко – греется – ему все проходящие: Христос Воскрес! А он молчит, как рыба. А глаза-то мокрые. Так и умер отреченцем. Отец Зиновий Пальжок – тот как-то сумел покаяться и возвратиться к служению. Но тоже горького хлебнул немало.

Плюс моральная атмосфера – люди чают светлого будущего, а рай на земле не наступит из-за проклятых церковников. Никита Сергеевич к 80-му году обещал коммунизм – именно к 80-му, потому, что именно к этому году он обязался торжественно показать по телевидению последнего попа.

Заметьте, не последнего убийцу, не последнего насильника или вора, а последнего священника. Т.е., в глазах сознательной общечеловечности поп – это гораздо хуже Чикатилы.

О.Иоанн: «Пройтись по улице священнику было небезопасно – случилось, увесистые камни летели – помню, мне годика 4 было - с отцом шли по Советской, так в районе УТОСа как раз под обстрел и попали, так сказать. А ругательства и матерщина вслед, плевки – так это дело обычное. Особенно неприятно было проходить мимо школ – детская простота и непосредственность зачастую были просто невыносимы. Ну а папа, конечно же, в отличие от других священников, ходил по улице исключительно в рясе и с иерейским крестом.

Как-то раз я спросил отца – а почему бы ему не подстричь бороду и не ходить в цивильном костюмчике?

- А зачем?

- Ну, чтобы прохожие не косились, и не слышать этих улюлюканий.

- Помню, папа мне ответил словами Христа: «Кто постыдится Меня и Моих слов, в роде сем прелюбодейном и грешном, того и Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе...» (Мк.8,38). Убедительный ответ, не правда ли?

Вы знаете, я до сих пор поражаюсь наивности тех христиан, которые недооценивают историческую культуру Церкви – мол, зачем облачения, рясы, зачем кресты, иконы – гладко побрился, одел костюмчик, повязал галстук – Библию под мышку и - вперед. На самом деле, это «не то пальто». Уверяю Вас – когда в те годы шёл наш Владыка Дамиан – тогда еще отец Пётр Замараев - по улицам города с длинной бородой, в рясе, с большим крестом на груди – эффект от этого был гораздо мощнее, чем от вида сотни протестантских проповедников в наглаженных костюмчиках, которым права проповедовать-то за пределами дома молитвы никто не предоставлял».

Да, форма православного священнослужителя это было немое, но выразительное свидетельство о Боге – эффективным, демонстрационным, и в то же время - ненавязчивым – это впечатляло, и в то же время никого ничему не обязывало.

Для того, чтобы протестанту что-то сказать о вере, надо было остановить прохожего и заявить ему, что, мол, Бог тебя любит, или нечто подобное, т.е., в этом уже присутствовал некий элемент вмешательства в чужую жизнь. Ну вот не настроен человек тебя сейчас слушать и, вообще, он опаздывает на работу – за это лишиться премии могут, а ты ему о Божией любви втираешь – эффект-то обратный, вероятнее всего, окажется от твоей навязчивости.

А так - идёт священник – кто-то покосится на него, кто-то плюнет ему вслед, кто-то выругается, кто-то даже камнем швырнёт – а кто-то, глядишь и поклонится. Подходили и с вопросами, причём, люди разные – молодёжь, иногда: «Поп, а поп – скажи, ты и вправду веруешь в Бога?» Здесь, надо отдать должное, отец знал, что ответит – 5-ти минут беседы было достаточно для того, чтобы атеистическое мировоззрение собеседника, если и не рассыпалось, как картонный домик, то, во всяком случае, дало серьёзные трещины.

Вообще, надо сказать, даже маленький крестик на груди – это просто гениальнейшее изобретение христианской культуры – надел крест на шею и всё – не надо кричать всем подряд, мол, я христианин – оно и так видно. Правда, в последние времена многие стали носить крестики в качестве украшения и, тем не менее, крест – это настолько мощный знак, который, наверное, никогда не обесценится. О.Иоанн: «Позже, уже в юношеском возрасте я с удовольствием носил на лацкане пиджака красивый крестик с эмалью - юбилейный знак, выпущенный к 300-летию дома Романовых. В свидетельстве веры мне это очень помогало – где бы я ни находился – в автобусе, на теплоходе, в театре или в парке, ко мне подходили люди с вопросами – иногда с вдумчивыми, иногда с издёвкой. Но я товарищ тоже битый - и в переносном, и в прямом смысле этого слова – также за словом лишний раз в карман не лез – часто бывало так, что начинался разговор с ухмылкой, а заканчивался очень даже серьёзно.

А битый я был в основном в первых двух классах 14-й школы. Там учителя пытались повлиять на меня таким своеобразным способом. Юлия Ниловна - моя первая учительница обычно заходила в класс, все вставали.

– Здравствуйте, дети, - приветствовала она всех. – Садитесь! А Замараев, стой! Посмотрите, дети, на Ваню Замараева! Этот мальчик верит в Бога.

– Ха-ха-ха, – смеялся класс.

– Дети, Бог есть, - продолжала Юлия Ниловна?

– Нет Бога, – хором отвечали дети.

– Ваня, и тебе не стыдно?

После таких диалогов на переменах обычно звучали улюлюканья, соученики презрительно ухмылялись, дразнили, как умели. Ну а наиболее активные из юных борцов с «опиумом для народа» после уроков норовили помериться со мною физическими силами.

Силой меня Бог не обделил – разбросать я мог многих, но правнуки Маркса хорошо помнили наставления своего дедушки, в том пункте, что количество на какой-то стадии переходит в качество. Когда слишком много народу набрасывается на одного, это уже понятно, что битым оказывался я. Тем более в драках иногда использовались подручные предметы – увесистый портфель, дрын, пояс с металлической пряжкой. Однажды таки угодили мне чуть выше виска железной пряжкой – эффект, надо сказать, был потрясающим - сказать, что больно, так не очень – череп цел – не пробили, зато кровящи было море. Учителя поняли, что перестарались – струхнул даже сам директор – извинялся, упрощив родителей никому не говорить об этом инциденте, и сам позаботился о переводе меня в престижную 30-ю школу, где всё было уже намного цивилизованнее.

Но, Вы знаете, эти два года в 14-й школе для меня были очень ценными, прежде всего, в формировании характера. Я искренне благодарен всем, кто принял участие в закалке моей

веры и становлении как личности. Без Юлии Ниловны или Раисы Иосифовны, я был бы, наверное, хлюпиком, маменькиным сыночком и вряд ли смог нести по жизни своё служение Богу. Благодаря 14-й школе, мне всегда было легко то, что для некоторых тяжело - свидетельствовать о своей вере - не только сейчас, когда это престижно и даже, в какой-то степени, модно, а и в те годы, когда сказать, что ты веруешь в Бога, было все равно, что признаться в собственном сумасшествии.

И для многих это было не под силу. Были даже священники, которые косили под художников. Едет батюшка в троллейбусе – на него все смотрят – он-то с бородой – её-то никому не спрятать – он бы её и сбрил с удовольствием, но тогда прихожане не поймут – ну, его и спрашивают – мужчина – эка у вас борода – вы случайно не поп? Нет, отвечает батюшка, я художник. Ну, Вы помните, было одно время – либо творческие личности, либо стилиги могли себе позволить завести длинную бороду.

Но, ведь, согласитесь, это же мучительная слабость – быть неспособным сказать – да, я - священник или, да, я - верующий. Но главное-то в другом - «Кто постыдится Меня и Моих слов, - говорил Христос, - того и Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца, и святых Ангелов» (Лк.29,6)».

Исповедничество – само по себе является святой обязанностью каждого христианина, плюс оно является фундаментом нашей проповеди миру о Христе, а проповедь Евангелия – это, как мы уже подчеркивали с Вами, важнейшая Господня Заповедь каждому из нас.

Мы должны постоянно говорить людям о своей вере – не обязательно языком – иногда даже, наоборот, слова могут быть неуместными. Ну вот, например, не принимайте пищу, не перекрестившись, независимо оттого – где Вы и в каком обществе. Да, это может быть трудно. Но Вы возьмите иго Господне на себя, преодолите комплексы и тогда обязательно убедитесь в том, что иго Божие благо, и бремя Его легко есть.

«Что такое хорошо? - вопрошает Фридрих Ницше и отвечает: всё, что исходит из силы. А что такое плохо? – всё, что следует от слабости. Что такое счастье? - вновь спрашивает философ, и сам же отвечает: счастье – это чувство преодолеваемого противодействия ».

И слова – повторимся - это не единственная возможность свидетельства о своей вере, и не всегда с них стоит начинать.

О.Иоанн: «Молодой человек, простите, вот крестик у вас на пиджачке – вы, наверное, верующий, - интересовались попутчики в поезде и задавали множество вопросов, на которые я с удовольствием отвечал.

Очень важен знак. Или отсутствие знака.

– Почему у тебя на груди нет звёздочки – спрашивали меня дети в первых классах? Потому что я не октябренок.

– А почему ты не октябрёнок?

– Потому, что я христианин, а не ленинец.

– Почему у тебя на шее нет пионерского галстука, или не приколот к рубашке комсомольский значок?

– Потому, что я воин веры, а не борец с ней, которым я обязан был бы быть, следуя уставу комсомола.

– А почему ты веруешь? Как ты можешь верить?»

Вот это и есть главный вопрос – это нулевая координата, с которой начинается проповедь Евангелия.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным